

Пролог

«Океанополис»¹ в Бресте, март 2015 года

Человек нашел своего кумира среди хищников: акула — поразительный результат безупречной эволюции, над которым природа трудилась миллионы лет. Машина с бесчисленными рядами зубов и идеальными аэродинамическими очертаниями, способная учуять капельку крови, растворенную в олимпийском бассейне. Генератор страха.

Страх... Он тоже исходил из глубины веков и стоял на страже выживания видов. И в этот самый момент он схватил за горло юного Лукаса, смешного человечка, стоящего под огромными бело-серыми брюхами, которые скользили над его головой. Столь всеобъемлющий страх он испытал впервые — словно крошечные лучники натянули каждый его мускул, призывая немедленно дать стрелкача. Даже защищенный акриловым оргстеклом толщиной более двадцати сантиметров, ребенок жался к ноге отца, в котором детский страх давно сменился тягой к исследованию корней зла.

Как и другие посетители с ним рядом, Филипп любил бросать вызов морским чудовищам, пребывая в безопасности на одном из главных аттракционов аквариума «Океа-

¹ «Океанополис» — научно-развлекательный центр, посвященный океану, открылся в 1990 г. в городе Бресте (Франция). В каждом из пяти десятков аквариумов воссоздана экосистема, соответствующая трем климатическим зонам: умеренной, полярной и тропической. В тропическом павильоне можно наблюдать стаи акул. — *Примеч. перев.*

нополиса». Именно поэтому он приблизил лицо вплотную к стеклу, и его взгляд погружался в холодные глаза акулы-зебры, акулы-быка, рыбы-молота и тигровой акулы. Последняя производила особенно сильное впечатление. Конечно, эта акула не была той «большой белой», которую прославил Спилберг, но ничем ей не уступала: четыре метра, пятьсот килограммов, сотни загнутых зубов, способных разорвать на куски любого человека.

В толпе раздались возгласы, когда черед пузырьков нарушила демонстративный покой огромного аквариума. Как раз ради *этого* они все и собрались здесь: пережить опосредованный страх. Дьявольский прыжок в великое чувство опасности.

В глубине бассейна появилась фигура аквалангиста, лавирующего между скалами. С медленным взмахом ласт он приблизился к стеклу, дружески приветствовал публику и нажал на кнопку циферблата, закрепленного на запястье. Филипп узнал аппарат, который используют для измерения сердечного ритма. Человек-лягушка начал собирать зубы, валяющиеся на дне, под внимательным взглядом коллеги, чья тень едва угадывалась на поверхности бассейна, шестью метрами выше. Подстраховывает коллегу. На всякий случай.

Лукас покрепче вцепился в отцовскую ногу:

— Он с ума сошел! Они его съедят!

Филипп не поддался — ложная тревога, приведшая сына в ужас, забавляла его. Он знал, что хищники накормлены и не проявят никакой агрессивности к знакомому служителю. С чего дрожать? В сущности, грустное зрелище этот аквалангист, плавающий рядом с сытыми акулами, большинство которых не представляют ни малейшей угрозы.

Он незаметно оглядел стоящих рядом посетителей. За чем все они собрались здесь и пялятся на то, как человек в смешном костюме собирает дурацкие куски зубной эмали? Не питают ли они, как и он сам, надежду, что произойдет

нечто? Хотя по большому счету хищники всего лишь красовались в аквариуме.

Почувствовав легкий укол стыда, Филипп взял сына за руку:

— Пошли. Съедим по мороженому.

Лукас горячо поддержал предложение. В семь лет ему неизмеримо больше нравились шарики ванильного, чем акулы. Не успели они отойти и на три шага, как в толпе раздался новый крик:

— Нож!

Филипп обернулся. Кричала женщина, всем телом прилипшая к прозрачной перегородке. Вокруг начали привставать на цыпочки, чтобы лучше разглядеть. Что происходит? Молодой человек с сыном стали проталкиваться к своему прежнему месту, но его уже заняли. Стоя в глубине бассейна, аквалангист достал из чехла, закрепленного на бедре, нож с зазубренным лезвием. Станный жест, вызвавший беспокойство у его коллеги наверху, остававшегося в полной безопасности по другую сторону стеклянных стен.

Может, это был какой-то цирковой номер? Профессионал стоял на месте, не сводя глаз с цифр, высвечивающихся на его часах, и не выпуская из рук ножа, в то время как огромные рыбы не выказывали никаких признаков агрессивности. Каскад пузырьков, вырывавшихся из клапана через равные промежутки времени, свидетельствовал об отсутствии паники. Лукас дергал отца за руку, требуя, чтобы они ушли, но Филипп не поддавался. Синие глаза аквалангиста, увеличенные стеклом маски и прозрачными стенами, приковывали его к себе: в них отражалась глубокая умиротворенность.

Затем, все с той же изысканной медлительностью, слушитель снял перчатку с левой руки и глубоко рассек себе ладонь. Алые завитки заколыхались в воде. С этой секунды в толпе раздалась по-настоящему тревожные крики и недоверчивые возгласы: «Это что, трюк?» или «Он и правда

поранился?». Вокруг Филиппа и его сына, прижатых к стеклу, нарастало напряжение. Ребенок плакал. Люди сбились в кучу, вновь прибывшие — те, что прибежали из соседнего зала, — тоже требовали свой кусок пирога. Какую-то женщину сдавили, она почувствовала себя плохо и принялась ругать всех, кто напирал на нее сзади. Толпа разомкнулась, давая ей выйти.

Пulsирующий сигнал в голове Филиппа настоятельно требовал бежать, прежде чем будет пройдена точка невозврата, но иная сила, вобравшая в себя куда более мощные примитивные инстинкты, парализовала его. Человек с окровавленной рукой, акулы вокруг: он должен был понимать, что за этим последует. Аквалангист успокоил их однозначным жестом, сведя в кружок указательный и большой пальцы. Все хорошо, он знает, что делает, никакой опасности.

Акулы явно заволновались. Их черные тени стали еще четче в свете, бьющем со дна аквариума. Филиппа удивило их число: с момента прихода он насчитал пять или шесть акул, но сейчас около дюжины плавали в сжавшемся пространстве вертикального столба над аквалангистом, как будто стены бассейна сдвинулись.

Подросток справа от Лукаса увековечивал каждый момент на своем телефоне. Две-три палки для селфи взмыли над толпой, как перископ любознательного мозга, обеспечивая всему миру возможность насладиться странным зрелищем. Мания все снимать. Очевидно, не пройдет и часа, как все будет выложено в Интернет и соберет кучу просмотров.

— Отойдите! Отойдите!

Человек в шортах и сандалиях, с переговорным устройством в руке, стремительно пробился сквозь скопление людей. На его белой футболке болтался бейджик с логотипом аквариума — изображением дельфина. С напряженным лицом он встал перед стеклянной стеной и произвел руками несколько пассивов. Не требовалось быть специалистом,

чтобы понять: он приказывал служителю незамедлительно подняться на поверхность.

Но тот покачал головой, решительно отказываясь двинуться с места. Еще раз он просигналил, что ситуация под контролем, и перевел взгляд на свой измеритель сердечного ритма.

Первой решила исследовать источник крови акула-зебра. Волна, поднятая ее стремительным движением, нарушила равновесие аквалангиста, который снял ласты и укрепился на дне, встав на колени. Кровь продолжала струиться из его раны. Перемещения акул становились все более хаотичными, их силуэты скручивались по спирали, круглые белые, почти слепые, глаза метались из стороны в сторону.

Крики: «Выгашите его оттуда!» и «Сделайте что-нибудь, они его сожрут!» — множились, но никто не покидал наблюдательного поста. Зал был уже переполнен, даже боковые входы и выходы оказались забиты. Филипп обнял сына и прижал к себе, развернув лицом к толпе. Если суждено случиться трагедии, главное — чтобы Лукас этого не увидел.

Работник бассейна рядом с ними, очевидно местный начальник, наговаривал приказы в переговорное устройство. Потом поднял глаза. Дождь из рыбьих голов, кальмаров и потрохов хлынул с поверхности воды. Служащие там, наверху, выворачивали ведра с кормом в надежде отвлечь внимание акул, притупить их сверхтонкое обоняние. Остеклевшие глаза бывшей дореды скользнули вдоль стеклянной перегородки. Посетители начали действительно осознавать, что именно происходило у них на глазах: обезумевший человек и впрямь рисковал быть разорванным на куски.

Корм ничего не изменил: в бассейне воцарилось чисто животное безумие, словно зараза передалась от человеческой крови, теплой и одуряюще пахнувшей. Животные отнюдь не растеряли свои охотничьи инстинкты, обеспечившие выживание, — те же примитивные инстинкты, которые

заставляют акул-быков пожирать друг друга в материнской матке, чтобы на свет появился только сильнейший.

И сильнейший властвовал там, в бассейне, а в глубине его рептильного мозга¹ гнездилась память каннибала. Пожирать, чтобы выжить. Пожирать во имя размножения и существования вида. Пожирать — потому что таков инстинкт, заложенный в генах любых живых существ.

Тигровая акула предприняла первую атаку. Она лишь коснулась жертвы и внезапно свернула, чтобы начисто оторвать раненую руку. Маска аквалангиста исчезла за пузырьками боли, и с этой секунды он начал биться, пытаясь всплыть на поверхность, как если бы только сейчас осознал неминуемость смерти. Он проплыл три метра по вертикали, потом его дернули влево челюсти, сомкнувшиеся на икре.

Остальное стало просто резней.

Жестокая кровожадность акул потрясла сгучившихся зевак. Крики, слезы, обмороки. Те, кто находился в первых рядах, рвались убежать, как если бы монстры могли разбить стекло и разорвать их тоже, но напиравшие сзади, которые ничего не видели, стояли стеной. Захваченные волной зрителей, Филипп и Лукас оказались стиснутыми без всякой надежды выбраться. Мальчик увидел, как прямо перед ним проплыл неопреновый ботинок вместе с оторванной ногой внутри.

Когда зал наконец удалось освободить от людей, в аквариуме остались только желтый кислородный баллон аквалангиста, зарывшийся в песчаное дно недалеко от его головы, и хоровод обрывков плоти, повисший в едва замутненной воде. Шесть литров крови, которую должно было содержать тело весом в семьдесят два кило, растворенные в воде аквариума, невозможно было даже различить. Отряд акул снова завел свой спокойный танец, их наиболее насы-

¹ *Рептильный мозг* — наиболее древняя часть мозга, управляющая базовым поведением и отвечающая за выживание вида.

тившиеся товарки укрылись где-то в углу, за скалами. Для них — обычный день, сдобренный небольшой добавкой.

Несмотря на психологическую травму, с которой Филиппу и Лукасу пришлось бороться в последовавшие недели, одна картина навсегда впечаталась в память отца: взгляд аквалангиста перед самой атакой «зубов моря»¹.

В этом взгляде был вызов.

1

Атис-Мон, предместье Парижа.

Месяцев шесть спустя, сентябрь 2015 года

— Должна заметить, что твой дядя устроил себе кабинет под самой крышей, это была его территория, и я туда почти не заходила. Наверху стоит столько моделей самолетов, что нельзя повернуться, не раздавив одну из них. Для него только две вещи имели значение — работа и его самолеты, остальное в счет не шло.

Самолеты... В памяти Люси Энебель мозаикой всплыли картины из детства. Она была еще совсем маленькой, а Анатоль уже мастерил свои самолетики из бумаги, картона и даже из фанеры. Он приносил эти чудо-изделия на пляжи Северного департамента и запускал их с вершины дюн в Малло-ле-Бен, а племянница с соломенными хвостиками смотрела на них в полном восторге. Прошли годы. Тридцать лет спустя Анатоль умер — глубокой ночью у него случился сердечный приступ.

Режина протянула ей папку на резиночках. Если ее муж был плотно сбитым, то саму ее словно вытянули в длину, насадив сверху голову с высоким лбом и беспорядочными локонами. Она хромала и уже добрый десяток лет передви-

¹ «Зубы моря» — другое название романа Питера Бенчли и фильма Стивена Спилберга «Челюсти».

галась тяжело и с палкой, что не мешало ей водить машину и шнырять по всему кварталу. Здесь все ее знали.

— То, что сейчас у тебя в руках, было спрятано в глубине запертого ящика в углу под самой крышей. Это касается его последнего дела, об исчезновении Летиции Шарлан, молодой женщины двадцати лет.

Люси никогда о такой не слышала. Маленький жилой квартал Атиса, где обосновались дядя и тетя, был всего в полчаса езды от ее дома, но она редко навещала эту часть семейства. Близнецы, бешеный ритм в уголовной полиции на набережной Орфевр, ежедневные проблемы, требующие немедленного вмешательства... Она щелкнула резинками папки.

Внутри оказались штук двадцать ксерокопий полицейских протоколов, распечатки данных криминалистического учета, несколько страниц из уголовного дела и наваленные кучей фотографии. С тех, что лежали сверху, смотрела молодая метиска — о таких говорят «парень в юбке»: с сияющим лицом, черными волосами, курчавыми, как у барашка, в носу, — пирсинг, украшенный бриллиантом.

— Это она самая, исчезнувшая. Летиция Шарлан. Красотка, верно? А вон та бандитская рожа на других фотографиях, что внизу, — это Жюльен Рамирес.

Люси взгляделась в черты человека лет тридцати, с волнистыми каштановыми волосами и твердым худым лицом. Действительно бандитская рожа: выдающийся вперед и загнутый кверху подбородок, впалые щеки, из-за которых поджатые губы казались полнее, и в довершение — черные блестящие глаза выдры. В заведенном на него уголовном деле указывалось тюремное заключение во Флери¹ с 2008 по 2012 год по обвинению в нападении, незаконном хранении оружия и попытке изнасилования. Прилагалась копия сте-

¹ *Флери Мерожис* — самая большая тюрьма Европы. Расположена в пригороде Парижа.

нограммы судебного разбирательства, составленной секретарем суда во время процесса.

— Он живет на полдороге между Лонжюмо и Ла-Виль-дю-Буа, в доме на отшибе, чуть в стороне от Национальной 20, — продолжила тетя. — Знаешь, недалеко от телефонной вышки-ретранслятора, которая стоит у самой автостреды. Отсюда не больше пятнадцати километров.

Режина взяла кусок синего силикона, который лежал на столе рядом с двумя чашками кофе, от которых поднимался легкий пар.

— Где-то за неделю до смерти твоего дяди на его имя по почте пришел набор силикона. Анатолий объяснил мне, что заказал его по Интернету и что это для его моделей самолетов. Но он соврал.

Люси и сама увидела отпечаток ключа на одной из сторон силиконового куба. Тетя достала из кармана металлический предмет и вложила его в отпечаток:

— Силикон ему понадобился, чтобы сделать слепок с этого ключа. Квитанция на заказ в «Перекрестке» в Ла-Виль-дю-Буа была в той папке с резинками. Позавчера я пошла в торговый центр с этой бумажкой, в обмен на которую мне выдали вот этот ключ и вернули силикон. По их словам, Анатолий принес им слепок за три дня до своего инфаркта... Седьмого июля, если быть точным.

— Прошло два с половиной месяца.

— Да, уже. Анатолий не успел забрать ключ. Я боялась, что за столько времени все пропало, но тот парень, благодать его Господь, отложил ключ в сторонку. Он почти уверен, что речь идет о копии ключа от входной двери. И я тебя уверяю: твой дядя хотел залезть именно к Рамиресу. Не знаю, как он умудрился снять отпечаток с ключа этого субъекта. Может, обыскал его фургон или выдал себя за того, кем не был. В конце концов, Рамирес понятия не имел, что дядя следил за ним.

— Откуда ты знаешь, что этот дубликат именно... Рамиреса?

— Из-за фотографий там, под бумагами. Сама посмотри.

Все снимки, сделанные ночью, были плохого качества. Анатолий фотографировал без вспышки, спрятавшись, похоже, за деревьями. На глянцевой бумаге можно было различить фургончик, припаркованный так, что открытые задние дверцы находились не более чем в метре от входа в какое-то жилище. По всей видимости, вышеозначенный Рамирес перетаскивал мешки или тяжелые предметы из дома в машину.

— Это дом и строительный фургон Рамиреса. Дата на обороте фотографий означает, что они были сделаны за неделю до того, как твой дядя заказал дубликат ключа. В то время Анатолий уверял меня, что проводит время в бильярдном клубе. Дважды в неделю он возвращался около часа ночи. Но вчера, обнаружив все это, я поняла, что он мне врал. Он следил ночью за Рамиресом.

Люси отпила глоток кофе, сбитая с толку потоком разнообразных открытий, сделанных Режиной, которая позвонила ей накануне и попросила приехать, желая поделиться кое-какими неожиданно открывшимися обстоятельствами, связанными с Анатодем. Но представить, что это выльется в уголовное дело...

— Ты должна объяснить мне подробнее, тетя, а то я немного запуталась в этой истории. По всей видимости, речь идет об исчезновении. Жертва — Летиция Шарлан. Подозреваемый — Жюльен Рамирес. Но спрятанное досье, фотографии, ключ: дядя вел официальное расследование или нет?

— Поначалу официальное, но, судя по этой папке и ключу, я теперь понимаю, что он сказал мне не все и сам зашел куда дальше. Сейчас расскажу вкратце. Около четырех месяцев назад, в середине мая, Летиция Шарлан, которая больше десяти лет жила в приемной семье Верже, не вернулась

из молодежного центра, где проводила вторую половину дня. Центр находится в трех-четыре километрах отсюда. В комиссариат Атиса поступает заявление, и твой дядя вместе с коллегами начинает поиски в округе. Летиция неуравновешенна, она много раз грозила приемным родителям, что сбежит. Может, она у подружки, знакомых, на каком-нибудь сборище неподалеку? Но после трех дней бесплодных розысков было открыто дело об исчезновении, которое передали этой конторе по пропаже людей, у вас в Париже.

— Центральное бюро по розыску без вести пропавших.

— Да, точно, ЦБР. Ты лучше меня знаешь, сколько таких пропаж в год они расследуют, эти твои коллеги. Тысячи. Так что ее дело легло в общую стопку, они и задницу не оторвали, чтобы найти Летицию. Она совершеннолетняя. Девчонка с Реюньона, брошенная еще в раннем детстве, которую потом мотали по разным семьям, пока не подыскали более-менее постоянную, к тому же она много раз грозилась все бросить и испариться... Как тут не подумать, что она действительно пустилась в бега?

Режина отпила глоток кофе.

— Анатоль просто места себе не находил от ярости. Он только что вышел на пенсию, но мы хорошо знали ее семью, они в той же ассоциации «Телетон»¹, я и сейчас по несколько раз в неделю с ними там вижу. Хорошие люди и до сих пор чувствуют свою ответственность за то, что случилось. Да я и сама ее любила, Летицию, хорошая была девочка. Короче, ты же знаешь своего дядю, у него за плечами было сорок лет службы, и он ненавидел проигрывать. К тому же он всегда говорил: не бывает, чтобы ты в одно мгновение из копа стал некопом только потому, что ушел на пенсию. Коп — он по гроб жизни коп...

¹ «Телетон» (Téléthon) — популярнейший телемарафон, цель которого — привлечь средства к исследованиям в области лечения редких видов заболеваний.

В сорок два года Люси накопила *всего лишь* восемнадцать лет стажа, но у нее уже сложилось впечатление, что работа заразила все клеточки ее организма и заполонила все пространство личной жизни. Ее мозг наверняка приобрел форму пистолета. А жизнь с Франком Шарко, у которого на счетчике значилось двадцать семь лет в уголовной полиции, только усугубляла дело.

— Значит, дядя продолжил копать своими силами. Начал собственное расследование.

— Именно. Он гробил свои дни на расспросы соседей, действуя в одиночку. В конце концов его упрямство вывело меня из себя, мы стали часто ссориться. Он же вышел на пенсию, которую вполне заслужил! И даже не успел ею воспользоваться.

Она вытащила бумажный платок из коробки и пролила несколько слез. Люси уже не помнила, в каком году они поженились, но с ранней юности всегда воспринимала их как нечто единое.

— Но его упорство в результате не пропало даром. Через три недели он нашел два разных свидетельских показания, доказывающих присутствие в деле серого строительного фургончика. За несколько дней до исчезновения Летиции его видели то на улице, соседней с домом ее приемной семьи, то неподалеку от молодежного центра. На кузове — большой логотип «ВАТИМАТ». Анатолий без труда нашел саму фирму, — оказалось, она принадлежит Жюльену Рамиресу, кустарю-предпринимателю, который специализировался на обновлении домов.

Она ткнула указательным пальцем в глянцевый снимок Рамиреса:

— И во всех случаях за рулем был он сам, Люси. Твой дядя, хоть и на пенсии, попросил коллегу из комиссариата поискать информацию, и тот выяснил, что Рамирес уже отсидел в тюрьме за нападение и попытку изнасилования с две тысячи восьмого по две тысячи двенадцатый. Тогда

Анатолий немедленно известил о своей находке парижан, которые вели дело. Сама понимаешь, они были не в восторге от его ковбойских выходок... Не важно, зато Рамиреса допросили в качестве свидетеля. Но против него ничего не было, и его оставили в покое.

— А как он объяснил свое присутствие поблизости от местонахождения Летиции?

— На тот момент он ходил по домам, рекламируя свою фирму и раздавая визитки. Соседи смогли подтвердить. У Рамиреса не прослеживалось никаких связей с Летицией, никто никогда их вместе не видел. А главное, один клиент твердо заверил: в момент ее похищения Рамирес красил фасад в тридцати километрах от того места. Исходя из этого, твои парижские коллеги даже не стали проводить обыск и за Рамиресом ни разу не устанавливали слежку. Все это здорово подкосило Анатолия.

Со вздохом она вновь наполнила чашку Люси, та жестом поблагодарила.

— Я думала, он плюнул на все, смирился, пока не нашла эту папку и ключ. Увидишь, там есть даже копия выдержек из протокола уголовного процесса в две тысячи восьмом. Психиатрические экспертизы и все такое прочее. Я глянула, этот Рамирес больной на всю голову.

Люси вытащила толстую пачку листов:

— Исправительный суд города Бобиньи... Как он только раздобыл это досье?

— Представления не имею, я его вижу впервые, как и ты. Наверняка по знакомству, у него же была куча связей. Сама видишь, он из кожи вон лез ради Летиции, сидя в своем захолустье. А еще он установил слежку за Рамиресом, стараясь разобраться. Он мне говорил, что этот тип действовал не один... Что он, может быть, только следил за девчонкой, а сам в похищении участия не принимал. Что у него наверняка был сообщник.

Режина схватила ее правую руку и сжала в своих ладонях:

— Я отлично понимаю, что Летиция исчезла четыре месяца назад, но вдруг она еще жива, Люси. Может, эта сволочь держит ее в тайнике в своем подвале или еще где-то и кошмарно мучит. Мы тебя не часто видели, но дядя всегда питал к тебе слабость. Ты дочка его сестры, он заботился и о тебе, и о твоей матери, когда умер твой отец. И потом, он так гордился, что ты стала копом на Орфевр, 36¹.

Она уставилась на Люси, не говоря больше ни слова.

— Тетя... Что именно ты хочешь, чтобы я сделала?

— Чтобы ты посмотрела, что он тут насобирает, и пришла к собственному мнению. И если ты почувствуешь, что тут есть с чем работать дальше, чтобы ты... ну, не знаю... начала серьезное расследование у себя в Управлении?

— Все гораздо сложнее, ты же знаешь.

— Да, да, но я потому и доверяю тебе это дело, что верю в тебя. Нельзя сознательно оставлять кого-то вроде Рамиреса на свободе. Твои коллеги из службы розыска пропавших не захотят больше и пальцем шевельнуть, но, поверь мне, если бы я могла сама надрать задницу этой мрази Рамиресу, я бы это сделала.

Люси на несколько секунд погрузилась в размышления.

— Никто не в курсе? Даже моя мать?

— Только мы вдвоем.

— Ты твердо уверена? Ни с кем из соседей не говорила? Или с друзьями из твоей ассоциации?

— Слово даю, что нет.

Люси твердо посмотрела тете в глаза. Потом допила свой кофе. Взяла папку и встала:

— Отлично, я просмотрю бумаги. Но ты не должна никому ничего говорить. Ни маме, ни, главное, Франку: пока что я не хочу, чтобы он вмешивался, он ведет серьезное де-

¹ *Набережная Орфевр, 36* (фр. quai d'Orfèvre, 36) — адрес Управления уголовной полиции в Париже.

ло. Это касается только нас, тебя и меня. Сумеешь придержать язык?

Тетя поднесла пальцы к губам, как если бы хотела их зашить. Потом встала, опираясь на палку, и обняла ее:

— Спасибо, Люси. Ты не изменилась. Я знала, что могу на тебя положиться.

2

Люси рассказывала «Трех поросят» с таким воодушевлением — и наверняка с некоторым избытком полицейской достоверности, — что две пары круглых, как блюда, глаз смотрели на нее, не мигая, натянув одеяла до самого носа. Закончив, она закрыла сборник сказок и исполнила ритуал укладывания спать: поглаживания, поцелуйчики, ласковые слова и снова куча поцелуйчиков.

— Ну все, котята. До завтра.

Жюль настоял, чтобы она не выключала свет. Из пары близняшек он был более пугливым. Кстати, если его брат Адриен переносил первые дни в детском саду скорее неплохо, то Жюль проливал каждое утро потоки слез и превращал расставание в душераздирающую сцену прощания. Ему было очень трудно отрываться от матери, как и ей от него.

Люси присоединилась к Франку на кухне. Тот готовил себе термос с очень крепким кофе и, насвистывая, намазывал маслом половинку батона. На нем была самая парадная одежда: костюм угольно-черного цвета и полосатый галстук. Накануне после многомесячного расследования его бригада из Управления задержала подозреваемого в двойном убийстве. Для полицейских это было все равно что салют на Четырнадцатое июля¹.

¹ *Четырнадцатое июля* — День взятия Бастилии в 1789 г. — национальный праздник Франции.

— Мне только что позвонил Маньен. Дюлак еще не раскололся, но с тем набором доказательств, который ему сунили под нос, скоро созреет. Вопрос трех-четырёх часов.

Люси добавила маринованных огурчиков на его бутерброд — он их обожал, но вечно забывал положить — и вернула все в фольгу.

— Прижми этого урода, Франк. Чтоб мы хоть не зря работали.

— Его ждет самая роскошная ночь в его жизни. Пять звезд и все по заказу.

В нем по-прежнему пенилось и играло возбуждение — даже после стольких лет охоты на Зверя. В пятьдесят четыре года Франк Шарко продолжал «мести тротуары», несмотря на стареющие кости, неприглядность мест преступления и постоянное соприкосновение с нищетой и растущей жестокостью. Конечно, разные случались моменты, и он давно счет потерял тем случаям, когда по ночам принимал решение повесить перчатки на гвоздь, но стоило ему глянуть на сыновей или какому-нибудь типу подорваться вместе со своим шахидским поясом — и коп из Управления вновь бросался вперед с тем же ожесточением и красной пеленой в глазах, что и в свои двадцать лет.

Он взял оба мобильника — один личный, другой рабочий: и речи не могло быть о том, чтобы смешивать работу и семью. Люси проводила его до входной двери их маленького домика в местечке Со, к югу от Парижа. Уютное, приятное жилище, рассчитанное на самую что ни на есть размеренную жизнь вчетвером. И Управление не слишком близко, а должная дистанция совершенно необходима — лишняя предосторожность для защиты семейного очага от наносной грязи. Она поцеловала его и поправила ворот плаща. Дождя не обещали, но Шарко вел себя как шахматист: всегда хотел быть на ход впереди.

— Я сразу не лягу, — сказала Люси. — Посмотрю кино, почитаю. Пришли мне сообщение, когда Дюлак расколется. Хоть в два ночи. Я открою шампанское.

Шарко кивнул и впихнул свои широченные плечи в машину. Едва оставшись одна, Люси бросилась к телефону и, как и было договорено, набрала номер Джаи, их няни-филиппинки. В двадцать один сорок пять девушка была у них. Люси сбегала за своими бумагами и ключами от машины.

— Они спят. Мобильник у меня с собой, звоните сразу, если что случится. Не знаю, когда вернусь, может, к полуночи или позже. И не забудьте: Франк не должен ничего знать, ладно? Если зазвонит городской телефон, не подходите.

— Можете на меня положиться.

Джая ответила заговорщицким тоном. Люси надела кобур со своим девятимиллиметровым «зиг-зауэром» у нее на виду, чтобы та не вообразила ничего лишнего: если собираешься наставить рога своему сожителю, то вряд ли берешь с собой оружие, если только ты не полная извращенка. Потом накинула тонкую курточку и вышла.

По дороге она мысленно прокрутила последние дни. Пять из них она провела, тайком изучая комплект документов, собранных Анатодем перед смертью. Судя по написанным от руки заметкам дяди, Жюльен Рамирес был ночной бабочкой: часто возвращался глубокой ночью на своем мотоцикле или фургончике. Откуда? Это не уточнялось. Анатодем упоминал также молодую женщину, по виду из готов, которая время от времени оставалась у него на ночь. Подружка?

Субъект демонстрировал все признаки нестабильности. Его множество раз исключали из различных учебных заведений за то, что некоторых своих соучеников он доводил до больницы, а также за надругательство над могилами (это случилось в раннем отрочестве), принадлежность к группам сатанистов, жестокое обращение с животными... Приговор, отправивший его в тюрьму на пять лет, стал следствием жалобы, поступившей от девушки, которую он встретил на какой-то вечеринке. Люси прочла копии протоколов уголовного дела: Рамирес проводил ее до дому, чтобы вы-

пить «по последней», и не больше. Попытка принуждения к физической близости. Девушка оказалась несговорчивой, он пригрозил ей пистолетом, привязал к стулу и ножом сделал разрез на плече, «чтобы пососать ее крови» — так значилось черным по белому в фотокопии. Жертве удалось вырваться, избежав тем самым изнасилования, а возможно, и убийства.

Судя по тем же протоколам и показаниям экспертов-психиатров, сменявших друг друга на свидетельском месте во время процесса, Рамирес десять лет назад провел некоторое время в психиатрическом госпитале в Палезо с диагнозом довольно редкого расстройства, называемого синдромом Ренфилда: поистине неодолимого влечения, которое пациент испытывает по отношению к крови. Рамирес попал в этот круговорот извращенной зависимости из-за ранения, полученного в подростковом возрасте. Именно тогда он осознал, что поглощение собственной крови приводит его в специфическое возбуждение. Эта странность сначала толкнула его к самовампиризму, что выражалось в нанесении себе ран, затем к зоофагии — он пил кровь животных, часто собак и кошек. В две тысячи шестом году, сразу после выхода из психбольницы и за два года до дела о попытке изнасилования, обвиняемый был задержан среди ночи в мясной лавке запустившим руку в морозильник.

Приятный типчик.

Среди прочих элементов расследования довольно часто встречались и упоминания о другихстораживающих фактах, нацарапанные дядиными каракулями на полях фотографий или фотокопий: *«Что он грузит в свой фургон?»*, *«В подвале что-то происходит»*, *«Похоже, из дома доносятся какие-то шумы»*.

Что он имел в виду под «какими-то шумами»? В голове Люси медленно, но верно проклюнулась и пустила корни навязчивая идея: ей нужно во всем удостовериться самой, возможно, тоже услышать эти шумы, как следует осмотреться в том месте, где живет Рамирес. Если она убедится,

что этот тип замешан в чем-то серьезном, то сама обратится в Центральное бюро, вручит им все собранные материалы, и пусть займутся. Но без доказательств они, скорее всего, и палец о палец не ударят, уж она-то знала.

Через полчаса пути Люси свернула с Национальной 20 и, следуя указаниям GPS-навигатора, двинулась в направлении Сольс-ле-Шартре. За день до этого она уже провела рекогносцировку на местности. Чуть подалее стояла спутниковая вышка, рядом проходила узенькая дорога, справа — поля, слева — большая темная лесная полоса и высвеченное светом ее фар скопление домов, по большей части обветшалых и расписанных граффити. В первый раз она медленно проехала мимо своей цели, расположенной в отдалении от дороги. Безликий бетонный куб с плоской крышей из листового железа. Света нет, как вроде бы и мотоцикла под навесом, где, судя по фотографиям, субъект обычно ставил свой агрегат. А строительный фургончик и его «Ауди ТТ», наоборот, ночевали на своих местах.

Люси желала избежать любого риска, а значит, следовало увериться, что хозяин отсутствует. Поэтому она приступила к первой части своего плана: спустила переднее левое колесо, развернулась и припарковала машину на обочине, у дома. Потом пошла по потрескавшейся асфальтовой дорожке. По левую и правую сторону в садике буйно разрослись сорняки и крапива.

Она несколько раз позвонила в дверь, потом постучала. На долю секунды представила себя нос к носу с Рамиресом. Придется заявить, что проколола шину, и попросить помощи. Он пошлет ее куда подалее, но, по крайней мере, она будет знать, что он здесь, дома.

Ожидание, тревога. Ни одного лучика света. Никого.

Она крадучись обошла вокруг дома. Никакого шума. Дядя предпринял свое расследование два месяца назад, может, здесь уже не к чему прислушиваться и нечего искать, но Люси не хотелось на этом останавливаться. Тем более с ключом в кармане...